

I.

1990 год. Позиция, занятая практически всеми демократическими группами по отношению к формам собственности, сводится к свободе выбора между разными типами частной собственности. То есть: необходимо выбрать, кто именно буржуа на предприятии – трудовой коллектив, директор или министерство. Если первое, то хотя бы из югославского примера ясно, что согласование интересов коллективов на следующем уровне – уровне рабочих советов при существующей степени обобществления производства вряд ли возможно.

Но равенство для неравных есть абстрактное равенство, когда деклассированные рабочие не в состоянии выразить единый коллективный интерес. Особенно после мощной компании демократических групп сузить рабочее движение до тред-юниона, т.е. борьбы за выгодную продажу рабочей силы. Политические организации отказываются на деле от собственной политической роли, и ни одна из них не собирается помогать рабочим защищать их завтрашние, например, коллективную форму собственности как доминирующую.

Не так давно Совет представителей Конфедерации труда оказался не в состоянии принять резолюцию о *собственном* отношении к либеральной программе «500 дней».

Созданную в Новокузнецке на Съезде независимых рабочих движений Конфедерацию труда (КТ) представили разнонаправленные организации, к тому же её трудно назвать рабочей. Это не даёт возможности принимать решения. 13-14-го октября 1990 г. в Донецке Совет представителей не смог создать единую газету, учредить профсоюз внутри КТ, не смог определить источник финансирования бастовавшим рабочим Шарьи. Сопредседатели КТ из Кузбасса Голиков и Герольд проигнорировали совещание, на шахтах Донбасса также не чувствуется особого интереса к деятельности Совета представителей.

Этот пример подчёркивает, что рабочие начинают выступать против самих себя, выясняя частные, рыночные интересы. Вячеслав Голиков, учтя критику, попытался обратить её во благо, честно предупредив через «Нашу газету» рабочих, что они в демократических преобразованиях выступают в качестве тарана для достижения власти Ельцина. Основным практически в любых парламентских заявлениях является забота не о свободе рабочего, а о свободе предпринимателя.

Что получил Кузбасс в результате столь рьяного отстаивания чужой свободы? Решение частных шахтёрских проблем через свободу нанимателей шахтёров ограничено хотя бы тем, что в любой стране (как вынужден был отметить Болдырев, член стачкома Донбасса) шахты находятся на дотации. В Англии, из-за вытеснения угля нефтью, газом, радиоактивным топливом закрываются рентабельные шахты. Итак, частный результат – вздутие цен вслед за удорожанием угля.

Работники детских садов продублировали шахтёров. Мотовилихинский райисполком г. Перми санкционировал повышение зарплаты работникам подведомственных детских садов. Возмущённые неподведомственные райисполкому детские сады также потребовали повышения, и добились ещё большего. Теперь очередь за теми, кто получил раньше. Та же ситуация на автотранспорте. Если выступления рабочих будут проходить и дальше по такой схеме, то года через два их борьба закончится лишь увеличением числа денежных знаков при этой же фактической цене рабочей силы. Хотя забастовка сама по себе, как нечто объединяющее, имеет огромное значение, особенно на окраинах, ещё не прошедших забастовочный опыт.

Надежды на местный парламент – это ещё одно проявление состояния низов – иссякают со скоростью, пропорциональной скорости роста цен. Избранный рабочими предприятия «Малахит» (г. Пермь) депутат райсовета, рабочий, вынужден осуществлять функции «власти для народа» в атмосфере всё усиливающегося «дай!» То есть, функции бюро жалоб. Большинство депутатов-рабочих пермских горсовета и облсовета предпочитают работу в цехе парламентской работе. Причин две: во-первых, рабочие депутаты не видят отдачи от депутатской деятельности, а во-вторых, поддержка избирателей закончилась в момент опускания бюллетеней в избирательные урны.

На фоне забастовочно-пассивного отношения к жизни Верховный Совет наращивает антирабочее законодательство.

Рабочие даже в перспективе отстраняются от управления и от любых законодательных рычагов для улучшения собственного экономического положения.

Один из лидеров карликовой Партии диктатуры пролетариата большевиков (ПДПб) Виктор Котельников задал вопрос: «А говорили рабочим, что они должны взять власть?» - Сказали. И? Рабочие ответили без раздумий: «Зачем?? Во-первых, образования, чтобы управлять, не хватит. Во-вторых, не хотим, работать больше, чем сейчас, в-третьих, не хотим ответственности».

К чьей же частной собственности призывают средства массовой информации? Если имеется в виду свободная конкуренция, то вряд ли подобный рынок адекватен современному экономическому базису. Последствия же раздёргивания отраслей по предприятиям печальны: в первую очередь выпадают конечные звенья технологических цепочек, что моментально приводит к дефициту товаров первой необходимости и к взлёту цен.

Скажем, ивановским текстильщикам выгоднее заключить сделку за дорожающие по программе Петракова доллары с инофирмами, а глазовские швейники оказываются перед необходимостью спешно искать нового поставщика, результат – исчезновение детских костюмчиков.

Ориентация в первую очередь на прибыль вызовет отставание наукоёмких производств, следовательно, включится механизм периодических кризисов производства. Идея перевести культуру и обучение на хозрасчёт ещё более усилит всеобщую анархию.

Программа Явлинского обещала в 1991 году дополнительные полмиллиона безработных. В 1992-м – постоянная безработица должна охватить 6 миллионов человек, столько же – фрикционная, что вызвало бы гигантский рост преступности и дальнейший спад производства. Если в 17-м наступали на горло сильным, в результате чего была гражданская война, то сегодня наступают на горло слабым. Поэтому вместо «организованной» гражданской – тотальные грабежи, введение комендантского часа, разгон митингов и т.п. Что касается деревни, где комендантский час ввести невозможно, что уже сегодня на глазах изумлённых хозяев предприимчивые последователи нового мышления срезают двери с петель.

«В принципе, предположенная программа, - отмечают экономисты И. Владова и В. Рабкина, - по духу своему мало чем отличается от трагических курсов на коллективизацию...».

Неизвестно, каким образом сможет выжить в конкурентной борьбе, скажем, Кизелугольбассейн, поскольку газ в бассейне – высокой зольности, с большим количеством серы, а условия труда исключительно тяжелы, 130 тыс. населения, 27 тысяч неконкурентоспособных шахтёров и обслуживающий персонал пополняют армию безработных; 87% населения, по данным социологических исследователей, не собираются переезжать: министру угольной промышленности Щадову не под силу трудоустроить всех.

В Японии существует институт пожизненного найма, отсутствие резервной армии труда никоим образом не влияет на высокую производительность труда.

На перспективу повышаются оклады даже низшим милицейским чинам, а заводские службы инструктируются в связи с возможностью повторения ситуации типа Новочеркаска 1962-го года.

Конкуренция «внизу» не просто приведет к закономерному снижению стоимости рабочей силы. «на новые и бурные формы социального расслоения, - пишут Владова и Рабкина, - ответом является не рост производительности труда под страхом остаться безработным, а полная атрофия интереса к труду и поиски криминальных способов выравнивания доходов».

Очевидно, что пропаганда разрушения монополии на многие мелкие – никоим образом не связана с повышением производительности труда и ростом производства. Она связана лишь со стремлением Запада проникнуть на рынки СССР.

Между тем рост торгового капитала (его легализация, перевод связей в деньги) осуществляется уже помимо каких-либо программ, крупное же производство остаётся практически без движения, если не считать, например, запланированное увольнение 45 000 рабочих по Свердловской области, сравнимого числа рабочих Челябинской области и т.п. в связи с конверсией.

Верховный Совет констатирует, что никакие структуры не в состоянии заставить вновь принятые законы работать. Идет распад. Команда Ельцина утверждала, что мешает центр, а центр утверждал, что виноват Ельцин. Затем стала мешать демократия, тем и другим мешает (Собчаку не нужны те, кто мешает работать, хотя недавно сам был одним из мешавших). Договоры между Россией и другими республиками выдаются за верх демократии, хотя при пассивности низов под демосом следует понимать исключительно республиканские правительства.

Неясно, о какой справедливости и равноправии идёт речь, если в договорах не указываются экономические обязательства. Кому в рыночных отношениях будет отдано предпочтение – географически близким бывшим союзным республикам, слабым, с которыми можно объединиться против сильного, или развитым странам? А национальные проблемы по-прежнему необъятны и по-прежнему какого-либо решения не видно.

Итак, верхи не могут, а низы не хотят жить по-новому. Это означает, что традиционная для России революция сверху невозможна. Юридически иллюзии постепенно рассеиваются.

Что же предлагают нам различные демократические группы?

История действительно повторяется в виде фарса. Пермские кадеты не знают, кто такой Милюков, а христианские демократы с трудом ориентируются в Библии.

II.

Невообразимо скучно критиковать то, что глупо. Итак. Демократическая партия России и социал-демократы. Несмотря на спад демократического движения, на фоне безвластия надстроечных структур продолжается яростная борьба против идеи.

Основная цель ДПР (лидер – Н. Травкин), например, борьба с коммунистической идеей, означает, что в партию смогут войти лишь те, кто понимает, что такое марксовы и антимарксовы идеи. Ориентация на социалистов в области философии, политэкономии, истории. Остальные окажутся в роли участников массовки, «серых шеренг», направляемых компетентными «бонзами».

Нет ничего легче, чем объединиться против кого-либо, особенно, если не страшно. Намного труднее – за что-либо. Если последнего нет, то после уничтожения кого-либо (что и показала практика) для поддержания объединения необходимо придумывать нового врага, будь то евреи, мировой империализм или интеллигенция.

В Перми под видом пропаганды программы «500 дней» выступил Травкин. Ему был задан вопрос: является ли он специалистом в области коммунистической теории? Нет, ответил Николай Ильич, в достаточной мере Маркса не читал, да это и невозможно прочитать. Второй вопрос: являются ли члены Политбюро знатоками марксизма? Нет, по мнению Травкина, вряд ли члены ПТ заглядывали в «Капитал». Интересно, что ни один из присутствовавших (во всяком случае, гласно) не сделал вывод: Травкин создает партию против того, в чем не разбирается, и против тех, кто никакими коммунистами не являются. То есть, ДПР всего-навсего пытается взлететь на волне всеобщей безграмотности относительно марксизма и октябрьских событий. В лучшем случае ДПР пытается освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри, ибо приглашает массы к единственной форме активности – в момент голосования опустить бюллетень за председателя ДПР. Внутренне освобождение народа сводится к замене одних газетных штампов на другие. Более частная позиция – мы освобождаем место предпринимателям для того, чтобы облагодетельствовали народ – выглядит ещё более пошло, ведь народу заранее объясняется, что в текущих преобразованиях он должен вести себя смиренно и лишь при голосовании смещать тех, кто негоден новой знати.

В избирательную кампанию в институте материаловедения при оборонном заводе ПЗХО председатель Мотовилихинского Совета, член КПСС Антипов агитировал за гендиректора завода им. Ленина Булаева: «А вы знаете, что Булаев – за частную собственность?» И трудовой коллектив, рабочие, инженеры – взвился аплодисментами. Но ведь Булаев – за свою частную собственность. Не за собственность рабочих с инженерами.

IV.

Направленность на светскую форму политической деятельности и апелляции к массам в форме программ и деклараций генетически связана с послеоктябрьской историей в России. Когда, например, к Сталину обратились рабочие-стахановцы с просьбой сократить рабочий день для ликвидации безграмотности, Сталин отписал: «Тов. Орджоникидзе. Дело несерьёзное».

В своё время Маркс, которого вынудили высказаться о собственном отношении к коммунистической теории в «Рейнской газете», указал, что не приемлет тогдашнего понимания коммунизма как уравнительного, как равенства в нищете, однако достаточно тактично отнёсся к рабочему движению, шедшему под знамёнами уравнительного коммунизма.

Травкину должно быть известно, что определённая часть рабочих групп – в Куйбышеве, Магнитогорске, Свердловске, Челябинске, Владивостоке, Ленинграде, Ялте, Перми и т.д. – имеет коммунистическую ориентацию и не связана ни с ОФТ, ни с РКП. То есть, в задачу этих групп входит изменение существующего строя, а не сохранение его с насильственным привитием нравственных принципов.

Если травкинский плюрализм заканчивается на коммунистической теории, нетрудно разглядеть под политическими лозунгами интересы будущего класса. На совещании ДПР в Ярославле представитель из Костромы заявил следующее: необходимо, сказал он, ввести имущественный ценз на вступление в организацию. ДПР предполагает защищать интересы богатых.

Чем важна идеология для разобщённых рабочих? Идеология – такой же склеивающий материал, как и национальный признак. Христианство сыграло немалую роль в процессе втягивания Скандинавии в европейский круговорот, конфуцианство – при экономическом взлёте Южной Кореи, Тайваня (помимо технологической политики ведущих стран), католицизм – в польских событиях. Неужели Травкин собирается довершить начинание КПСС – не просто вырвать идеологическое оружие из рук рабочего класса, всех наёмных работников, но уничтожить само идейное различие интересов работодателей и работников и воспоминание о рабочем классе как самостоятельной политической силе?

Что касается социал-демократии, СДПР немногим отличается от ДПР. Общий недостаток у существующих нынче партий в том, что, строя организацию с собственными интересами, они обладают лишь – в лучшем случае – электоратом, а значит, являются исполнителями без заказчика. Ещё хуже: современные партии собираются формировать интересы заказчика.

История возникновения современных партий как организаций ради организаций свидетельствует, что партии не связаны органически с позитивными интересами каких-либо социальных групп (в этом ДПР честнее СДПР), а строятся под некие принципы, к которым нужно приучить социальные группы. В декларации основных принципов СДПР так и указывается, что СДПР не является партией одного класса. Таким образом, антагонизм интересов социальных групп для СДПР *всегда* вторичен, поэтому качественные изменения надстройки опускаются до реформ количественных изменений, а неравенство социальных групп полагается вечным. Отсюда следуют и ограничения на политическую деятельность рабочих. Так, например, равенство социальных условий для всех, как частичный конструктивный интерес рабочего класса, сводится к вещному, профсоюз – к тред-юниону, а отношения собственности – к вещным отношениям.

Есть подозрения, что в критический момент, когда дело пойдёт к дележу портфелей, СДПР забудет о своих реформистских антидиктаторских устремлениях хотя бы потому, что увязывание полярных интересов двух

социальных групп лишает поддержки обеих групп, коль скоро разрешение противоречия объявляется несущественным.

Собственно для организации отводится роль «мостика в Европу», как выразился Олег Румянцев. Противовесом СДПР в этом плане выступает Конфедерация анархо-синдикалистов, разумно не ограничившая себя антиоктябрьской пропагандой.

Момент изоляции демократических групп уловлен и официальной прессой. Один из первых залпов «Гласности» пришёлся по перестроившемуся Гавриилу Попову, в прошлом апологету «командно-административной системы».

Печально, что прошлое страны ни к чему не обязывает и ничему не научило. Люди ждут, что с ними будут делать. Заимствование внешних черт развитого капитализма усилило деградацию. «Что мне сейчас не по душе, - говорит Иосиф Бродский, - так это появление типа русского человека, который ведёт себя так, словно он идентичен, ну, скажем, немцу...» (интервью в «The Economist», Лондон). Игра в политические кубики привела к игре в предпринимательство.

Российская коммунистическая партия, Нина Андреева. Объединённый фронт трудящихся, «Память», не относящиеся к отряду демократических организаций, на какое-то время исчезли с политического горизонта: в преддверии голода светские распри вызывают всё большее раздражение. Эти организации не способны в критический момент повернуть страну к прежней диктатуре, однако их воспринимают как серьёзный противовес правительству Ельцина. «Государство, ставшее свободным, - говорит Маккиавелли, - создаёт партию своих врагов, а не партию друзей. Партию врагов образуют те, кто извлекает для себя выгоду из тиранического строя, кормясь от щедрот государя. Когда у них отнимается возможность для злоупотреблений, они теряют покой и оказываются вынужденными пытаться восстановить тирана, чтобы вернуть себе власть и влияние». Но ещё больший вред отряд «демократов» наносит не сформировавшемуся рабочему движению, выступая от его имени. Ясно, что все перечисленные организации объявят себя партиями не классов, а принципов, в первую очередь, принципа объединения на образе врага. Здесь на первый взгляд, они выступают как союзники против будущих врагов в лице буржуа. Для того, чтобы проанализировать эту возможность, используем события, которые произошли в Магнитогорске на 3-й конференции объединения «Рабочий» (8-11 ноября 1990 г.).

На конференцию пригласили ПДПб, которая присвоила себе имя «рабочий комитет ЗИМа» (Куйбышев). Комитет предложил внести в Устав объединения пункты о классовой борьбе с частной собственностью и взятие власти рабочим классом. Незначительным большинством голосов поправка не была принята. В Уставе зафиксировано, что объединяющим принципов являются лишь собственные положительные интересы рабочего класса.

Все понимают, что диктатура рабочего класса – стратегическая цель. Но призыв «Даёшь новый Октябрь!» означает отсутствие анализа причин поражения революции, и в этом немалая вина как РКП, так и всевозможных демократических групп.

Выделение созидательного начала как объединяющего принципа есть первый шаг к пониманию опыта Октября. Тактическое же (или тактичное) умолчание задачи, заключающейся в борьбе против формирующейся (перестраивающейся буржуазии, безусловно, расширяет возможности контакта с партиями типа ДПР, СДПР, РДП и прочее. Вместе с тем – больше шансов выжить. Словом, тактических благ предостаточно. Однако радикалы, идущие под знаменем «Даёшь новый Октябрь!» после этого приобретают устойчивый иммунитет по отношению к более осторожным. Радикально настроенных не так мало: антиленинская и антимарксистская пропаганда привела к озлоблению на пропагандистов и к возврату ленинских лозунгов, взятых без анализа прошлых ошибок. Людям, чья жизнь сломана существующими производственными отношениями (которым легко взяться за оружие, а если возьмутся – их легко подавит армия), нужны простые идеологические послышки, на одновременно дающие практический результат. Октябрьские лозунги как нельзя более удовлетворяют этому.

Стоит различить под наивностью, неадекватностью форм такого движения, подчас принимающих уродливые очертания, объективность. Здесь есть определённый выбор: либо снизить уровень политической деятельности, обрекая организацию на длительный период формирования класса – для себя, либо попытаться, играя на противоречиях верхов, «облагодетельствовать» низы. Между тем ломка сдерживающих производственных отношений должна быть подготовлена как опытом политической и экономической борьбы, так и движением у самоуправлению. Объединяющий положительный интерес – это грамотный рабочий, умеющий контролировать собственного управляющего.

Политическая организация, способствующая «возрождению рабочего класса как класса», должна в корне отличаться от той, которая в 17-м году вышла из подполья. Что это означает?

На мой взгляд, существует два сорта обывателей. Для первого политика не существует, это в лучшем случае, холоп, которому безразлично собственное унижение и унижение его близких. Для второго реакция на унижение становится смыслом жизни. Это означает, что любые отношения, в том числе внеобщественные, выясняются за счёт ближнего своего: нации, класса, членов семьи. Опыт Октября, точнее, возникновение номенклатуры, это подтверждает.

На конференции в Магнитогорске объединение «Рабочий» до мелочей повторило действия Совета представителей Конфедерации Труда. Снова «отвлечение», причем не только вынужденное, а как принцип партийного строительства.

Что касается Марксистской платформы в КПСС, то с одной стороны, логика сталкивает её с уровня высокой политики на уровень демоса, с другой стороны, история происхождения заставляет пользоваться демосом как электоратом. Дискуссии об отношении к различным группировкам КПСС ведутся, например, между свердловским политклубом «Рабочий» и пермским Союзом коммунистов с 1988 года. На мой взгляд, установки типа: «поддерживать коммунистов против членов партии» или «мы не против компартии, мы против искажения коммунистической линии партии», конечно, дискредитируют голые декларации вроде заботы о благе народа. Но сотрудничество с организацией, взрастившей наиболее консервативных защитников тоталитаризма, не просто отталкивает – оно бесполезно.

Надежд на совесть имеющих партбилеты, мало, поскольку люди, способные к чему-либо, как правило, уже обладают привилегиями и в массе своей, конечно, от них не откажутся.

Реакция на более высокий уровень демагогии нового поколения политических деятелей обнадеживает: на Украине в Енакиеве шахтерам пришлось защищать памятник Ленину от демократов, пытавшихся его опрокинуть. Аргументация шахтёров была конструктивна: если бы от опрокидывания что-либо появилось в магазинах, демократы заслужили бы слова благодарности. Тем не менее, не смотря на идущий поиск методов борьбы, вопрос о формировании рабочего движения и его задачах остаётся открытым.

В каком смысле вопрос о промежуточных задачах открыт? Несколько примеров.

В сентябре-октябре 1990 года литейщики опытно-механического завода г. Перми проводили забастовку, одновременно выставив палатки с голодающими перед облисполкомом. Рабочие требовали отдать цех в аренду с полной независимостью от завода. Самое по себе требование вполне буржуазно, корыстно и бездумно. Директор завода, оторвавшись от ведомственной опеки и, тем самым, удовлетворив свои интересы собственника, позволил лишь внутривладельческую аренду. Ясно, что цех, дающий 60% прибыли числом рабочих 14% от общего количества, оставлял собственника без собственности. Но оставлял и другие цеха без работы.

Естественно, остальные рабочие завода выступали на стороне директора, а к окончанию забастовки бастовало лишь около половины рабочих активного цеха. Пермская ячейка объединения «Рабочий» проводила разъяснительные беседы с активистами забастовки.

В результате судебной тяжбы директора обязали выполнить пункты коллективного договора об улучшении условий труда, смены оборудования, а также не применять репрессии к забастовщикам.

Разумеется, было письмо к Ельцину, объединение «Рабочий» обратилось в комиссию по защите личности, хотя заранее было ясно, что увлечённые схваткой за власть оставят провинциальные дела без внимания.

Вот что примечательно. В помощь литейщикам был объявлен сбор денег. Средства выделили *политические* рабочие организации Казани, Перми, Челябинска, Верещагино, Магнитогорска, а вот рабочие завода им. Ленина г. Перми, живо заинтересовавшись сбором средств, не принесли ни рубля. Промолчали также Политехнический институт и институт ПермНИИнефть, дожидаясь, когда очередь дойдёт до них.

Ещё пример. В 1989 году первый в стране и независимы от Запада пермский Общественный экологический комитет, курировавшийся объединением «Рабочий», поднял тему «лисыих хвостов» из труб завода им. Орджоникидзе, трава в микрорайоне росла желтой. Пермский облисполком обязал завод им. Орджоникидзе закрыть три экологически неблагонадёжных цеха. Завод проигнорировал. Живущий рядом машиностроительный пригрозил забастовкой. Две администрации, используя в качестве третейского судьи горисполком, столкнули лбами трудящихся двух предприятий и сделали безнадежной попытку согласования интересов самими трудовыми коллективами, оказалось, что у администрации завода им. Орджоникидзе и у подчинённых рабочих разные интересы. «Ты себе можешь найти работу, - объяснил председатель своему СТК, - а я за ворота завода не хочу, такого места мне не найти».

Что отстаивали рабочие экологически вредных цехов? Возможность получать за вредность, несмотря на детскую смертность, короткую болезную жизнь и на то, что склад фосгена - на территории населённого пункта.

V.

В работе «К характеристике экономического романтизма» Ленин указывал, что рынок не только разобщает, но и объединяет трудящихся. Действительно, мощные вертикальные ведомственные связи уничтожили и классовые, и национальные признаки, поэтому каждый замыкается на собственном предприятии. Кооператоры первыми почувствовали, как раздвигаются жизненные рамки, однако следующая ступень развития рынка – это мордобой на хоккейной площадке. Население готово к такой борьбе... Как не боролись, - спрашивает Солженицын в «Гулаге», - ещё как боролись - за место наверху в наполненном доверху людьми вагонном купе. Таксисты отлавливают и избивают тех частников, которые пытаются понизить цену на проезд. А завтра мелкие и крупные собственники договорятся не увеличивать зарплату выше определённого уровня.

В состоянии нарастающей турбулентности трудно и прогнозировать, и ставить перед неорганизованными людьми какие-либо промежуточные задачи. Надвигающийся кризис усиливает звучание каждой партии, однако занавес опускается, а кризис остаётся, поскольку зрители в игре не участвуют.

Есть версия, что, насытившись, люди станут людьми. Для этого они должны позволить, чтобы выживших в конкурентной борьбе унизили подавляющим с барского плеча (прививается мысль, что это вовсе не унижение).

Утверждают, что хорошее стойло облагораживает. Что ж, нищенство – беда, и можно думать, как России от него избавиться. Но ставить задачу добежать до уровня западного богатства – насколько это реально?

Вещное богатство не расширяет возможности, оно их сужает, говорил Достоевский. Западная человечность есть следствие не богатств, а классовой борьбы. Стремление демократических групп ограничить потребность вещными означает желание удержать при помощи политических рычагов иерархическое общественное разделение труда на прежнем уровне. В постоянно склоняемой Декларации прав человека есть право на участие в государственной работе. Ленин в брошюре «Очередные задачи советской власти» говорит, что социализм – когда каждый после отработки 8-часового урока занимается государственной деятельностью. Необходимо только, чтобы декларированное право стало реальным.

Ещё один фантом средств массовой информации: конкуренция. Но в развитых странах детей обучают тому, что внутри фирмы нужно поддерживать друг друга – своеобразный фирменный патриотизм.

Каким образом может существовать конкуренция, скажем, в науке или искусстве? Разве конкурировали художники 20-х или создатели топологии? Неужели неясно, что если оперному певцу заплатить вдвое больше, он не будет вдвое лучше петь. Результат конкуренции в физике, например, – деградация. Наука становится лавочкой, результаты – мелкими, а отношения с предметом подменяются отношениями с конкурентом.

Довольно примитивно, когда сознание ненужности труда называют ленью и пытаются избавиться от следствия, сохраняя причину. Разумеется, легче вместо рациональной организации труда заставить рабочих в конкурентных условиях работать интенсивнее.

Например, Ленинский завод г. Перми вследствие авралов теряет ежегодно до 25 млн. рублей. Три недели администрация живёт спокойно, а в последнюю даёт почувствовать собственную необходимость. За газетным фантомом конкуренции стоит живой интерес.

Поскольку нельзя свести движение общества к одной лишь стороне его – классовой борьбе, или к иерархической паре «производительные силы – производственные отношения», поскольку нельзя предполагать возможность уничтожения института наёмного труда лишь путём взятия рабочими власти. Ясно, что неразвитые производственные силы с противостоянием умственного труда физическому неизбежно воссоздадут, хотя бы в силу случайных привилегий, рабочую силу, как товар.

Однако и власть рабочими взята не была. «Диктатура класса, - писал Плеханов, - как небо от земли, далека от диктатуры революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непродуцированных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Однако понимание этой задачи предполагает развитый рабочий класс, обладающий политическим опытом воспитателя и умением самостоятельно обсуждать своё положение. Решение же её предполагает, кроме всего сказанного, ещё и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознанием своей силы и уверенности в победе. Но такой пролетариат не позволит захватить власть даже самым искренним своим доброжелателям...» («Еще раз социализм и политическая борьба») В 1923 году XII съезд РКПб постановил, что диктатура пролетариата выражается в форме диктатуры партии.

Это означает, что с 1917 года по сей день в СССР существуют капиталистические отношения, где совокупным капиталистом выступает государство. В 1988 году А. Бутенко пытался высказать это на семинарах в МГУ и даже в официальной прессе, но перестраховался. Современные социалисты полагают, что численность рабочего класса в СССР вполне достаточна, чтобы обойти все трудности, необходимо лишь проникновение социалистических идей в среду рабочего класса. Неясно лишь, каким образом социалистические идеи и ожидаемая классовая борьба произведут автоматизацию и компьютеризацию производства.

Действительно, в СССР число индустриальных рабочих на 30% больше, чем в США. В то же время в Японии, например, свыше 50% рабочих имеют высшее образование, а в СССР немногим более 30%; в СССР более половины рабочих заняты грубым ручным трудом, в Японии – порядка 3%. Следовательно, до «сознательной организации всех функций социально-экономической жизни» ещё далеко.

Итак, в Октябрьских событиях уничтожения между трудом и капиталом свелось к уничтожению ряда капиталистов. При этом рабочий класс остался пролетариатом, т.е. наёмным, продающим себя государству. В ранних работах Маркс говорил о подобных отношениях как о всеобщей частной собственности («Экономическо-философские рукописи 1844 года»). Энгельс указывал, что когда государство начинает эксплуатировать всё общество («Антидюринг»). Однако монотонный рост частной собственности до своей всеобщей формы, характерный для азиатской ветви развития капитализма, ещё не означает близких социалистических преобразований.

Дело в том, что огосударствление производства ещё не есть обобществление. Централизация, как концентрация капитала, не является единственной мерой обобществления и не может быть предпосылкой для снятия частной формы присвоения. Социализация производства – скорее внутренний, нежели внешний параметр, и лишь проявляется в централизации. Вряд ли «обобществление» кузбасских болтов с прибалтийскими гайками свидетельствуют о развитии производительных сил, несмотря на то, что после «обобществления» им уже не терпится сбросить тормозящие развитие производительных сил производственные отношения. Причина псевдосоциализации очевидна: государство, как частный собственник, устраивало систему таким образом, чтобы легче было управлять.

Концентрация труда приводит к организованному рабочему движению, что снижает прибыль. Поэтому собственник деконцентрирует труд, как в СССР, так и в развитых странах (Prais, 1976). Причина проста: собственник теряет в прибыли из-за увеличения издержек, зато выигрывает больше - за счет снижения забастовочной активности [этот момент был позаимствован профессором МГУ А. Бузгалиным и выдан за собственное открытие]. Например, Пермский завод «Велта» получал сталь из 35 точек СССР, включая Ереван и Красноярск, находящиеся за тысячи километров, в то время, как в Пермской области существовало три города с металлургическими заводами, плюс металлургические производства на трех заводах в самой Перми.

Сама по себе децентрализация не означает упразднение плана и освобождение рынка. План есть завоевание капитализма, а диктатура пролетариата, коммунизм, которых в СССР никогда не существовало, используются как пугало для обывателя. Процесс централизации-децентрализации с определённой периодичностью протекает в любой стране и выражается, в частности, в борьбе мелкой буржуазии с крупной. Поскольку крупные объединения обеспечивают рабочим устойчивость зарплаты и занятости, Сэмюэл Гомперс, лидер Американской Федерации Труда, 1890 году отметил: «Нам нечего бояться объединений. Это дело мелких производителей бороться с трестами».

Сегодня акцент ставится на старый стимул – рынок труда, страх остаться без работы. Для того, чтобы интересы имущих не выступали явно, предлагается легенда о саморегулирующей рыночной системе. Может возникнуть идея, что общественные классы исключительно сотрудничают в деле развития производства, а независимый от чьей-либо воли рынок создаёт некоторые неприятности. И действительно, законы производства были бы столь же объективны по отношению к обществу, столь же независимы от групповых интересов, как, например, и законы механики, если бы они являлись выражением только отношений между вещами, а не между людьми по поводу вещей. Если при перераспределении власти сверху вниз ограничиваться свободой для предпринимателя, то 80 млн. рабочих останутся по-прежнему на уровне производственного фактора, причём с низкой производительностью труда.

Следовательно, основным направлением преобразований должно стать не столько высвобождение предпринимательской инициативы, сколько втягивание рабочих в процесс управления (для этого необходимо не узко-профессиональное всеобщее образование).

Капитализм в России – это всерьёз и надолго. Вместе с тем ясно, что вне указанного направления невозможно осуществить даже общедемократические буржуазные преобразования. В том числе и максимально приемлемый японский вариант, где используются все выгоды монопольного производства. Япония выступает как единая монополия по отношению к внешнему рынку. Таким образом согласуются интересы японских фирм, а также интересы администрации и трудового коллектива внутри каждого предприятия. Вследствие этого принцип максимизации нормы прибыли становится для каждого предприятия лишь средством.

Однако анализ данной стратегии, количественного соотношения вертикальных и горизонтальных связей, а также стратегии социалистического движения выходит за рамки статьи.

Печатается по статье «Верхи не могут, низы не хотят», Альтернативы, №1, январь 1991 (ноябрь 1990).

VI.

Прошло много лет, но мало что изменилось. «Коммунисты» по сей день неспособны осознать, что задача революции – не запрет частной собственности. Наоборот, «фабрики – рабочим», а «землю – крестьянам», означает, что заводы – в частной собственности рабочих, а земля, ну, никак не принадлежит университетским интеллигентам.

По сей день Горбачева обвиняют. Большею частью те, которые его ранее защищали. Ранее обвиняли либералы, ныне – «коммунисты», только обвинение изменилось - в предательстве.

Понимание объединения «Рабочий», что в СССР – госкапитализм, позволило гораздо раньше понять, что элита КПСС является антикоммунистической. Теперь сталинисты сами точно так же обвиняют элиту КПСС, продолжая обвинять объединение «Рабочий» в том, что объединение всё поняло раньше всех.

До сих пор в распадае СССР винят, в основном, Ельцина, но забыли фанаберские интересы рабочих, которые ринулись вслед за лозунгом «богачей, пока другие не опомнились». Ведь именно разрыв отраслевых цепочек в поисках более богатых потребителей и более дешёвых поставщиков привел к фактическому распаду СССР еще до Беловежских соглашений. Так, в 1990-м Запорожье прекратило поставлять в Перми сляби, и на заводе им. Ленина закрылись цеха.

Сохраняется пустота в вопросе, почему реформы Хрущева, Брежнева потерпели поражение, а та же самая реформа Горбачева привела к катастрофе. В то время та же самая реформа Дэн Сяопина была успешной.

Конечно, есть субъективные факторы: амебообразность, безволие Горбачева, корыстолюбие его семьи, дряхлость Политбюро. Наконец, развенчание в 1956 г. культа личности Сталина. Есть и более важные факторы – более высокий уровень производства и образования. Но главный фактор тот, что реформа в Китае началась в 70-е, если бы не противостояние СССР и США, Китай точно так же разорвали бы на части.

По сей день «коммунисты» не только в России, но во всем мире, не понимают и не собираются понимать, что было в СССР и почему СССР потерпел крах.

Но не это главное.

Понятно, почему пронизанные буржуазными отношениями шахтеры поддержали в 1988-1990-м Ельцина.

Понятно, что именно вследствие сталинского патернализма в 1992 году, когда начались массовые увольнения, рабочие безропотно пошли за проходные.

Поэтому мужество и самоотверженность рабочих в 2001-м в Щучьем, в Ачинске, Ясногорске, на ВЦБК хотя было «разовым» и под единым лозунгом: «Не делай мне еще хуже!», воспринималось как надежда.

Но то, что в 2014-м рабочие Ярославского дизельного, пермских Мотовилихинских заводов, Роснефти, Лукойла, КАМАЗа снабжали карателей фашистской украинской армии, говорит о серьезной деградации российского рабочего класса.

8.3.2019